Научная статья
УДК 94(470)"1941/1945":929-052
EDN: BXOUIO
DOI: 10.35231/25422375_2025_2_175

OPEN ACCESS

Биография героя Великой Отечественной войны в контексте коллективной памяти семьи

А. О. Волгушева

Статья посвящена герою Великой Отечественной войны (1941–1945) полковнику Борису Михайловичу Сон, участнику крупных сражений, включая Московскую битву, Курскую дугу, освобождение Варшавы, взятие Берлина. Новизна статьи обусловлена тем, что было проведено комплексное рассмотрение биографии героя. На основе впервые публикуемых сведений из домашнего семейного архива, в котором сохранилось много подлинных документов, артефактов, раскрываются особенности социального статуса семьи Баранаевых, потомком которых являлся Борис Михайлович Сон. Описываются его годы учёбы, участие в боевых действиях, послевоенная служба в Советской армии со слов его детей, поэтому данное исследование носит устноисторический характер. Автор статьи – Алла Олеговна Волгушева (внучка Фаины Михайловны Сон, родной сестры Бориса Михайловича) является одним из последних потомков семьи Баранаевых.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память семьи, Великая Отечественная война, Борис Михайлович Сон, битва за Москву, битва за Берлин, Курская дуга, Касимов, купцы Баранаевы, Касимовский кожевенный завод.

Для цитирования: Волгушева А. О. Биография героя Великой Отечественной войны в контексте коллективной памяти семьи // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 175–191. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_175. EDN: BXOUIO

© Волгушева А. О. 2025

Введение

В современной историографии в последнее время достаточно часто уделяется внимание исторической памяти [1–5] и даже постпамяти [6]. У истоков данного подхода стояли такие исследователи, как Ю. М. Лотман, М. Хальбвакс, Я. Ассманн, П. Рикер, П. Нора, Хаттон П, Жак Ле Гофф и другие [7–12], в работах которых философские концепции активно влияли на историческую науку и зачастую данные исследования находились на стыке различных социальных и гуманитарных дисциплин.

Так, Жак Ле Гофф не желает видеть понятие памяти и истории в роли синонимов, он разводит их, поскольку, с его точки зрения, память является исходным материалом истории, она представляет собой некий живой источник, питающий историков, и неважно, в какой форме она существует: в устной или письменной [13, с. 6].

Пьер Нора не отрицает того, что память и история не одно и тоже: «Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны… помещает материал в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим… история взывает к анализу и критическому дискурсу» [11, с. 20].

М. Хальбвакс обращается непосредственно к коллективной памяти семьи, справедливо замечая, что каждая семья развивает свой собственный дух, опираясь на традиции, принадлежащие только ей одной. В памяти семьи хранятся воспоминания не только об отношениях родства, соединяющих ее членов, но и о событиях и лицах, оставивших след в ее истории [8, с. 208].

Несмотря на усиливающуюся критику постмодернисткого подхода к проблеме исторической памяти, доктор исторических наук Л. П. Репина справедливо замечает, что, несмотря на субъективный взгляд некоторых воспоминаний, они не перестают быть историческим источником даже тогда, когда «проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [14].

При всем многообразии подходов к категории памяти, следует отметить одну общую особенность: память – это способ конструирования людьми своего прошлого[1].

[1] Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

Целью данного исследования является комплексное рассмотрение биографии героя Великой Отечественной войны, которое было невозможно при жизни героя, исходя из реалий советской эпохи.

Историческими источниками послужили данные из личного архива, который был своевременно актуализирован и структурирован сыном Б. М. Сона. В семье сохранилось большое количество ценных артефактов и подлинных документов, которые прежде никогда не упоминались и не публиковались.

С другой стороны, фиксация историка на личности героя биографии невозможна, приходится соприкасаться с жизнью других людей, оказавшихся связанных с ним на протяжении всего его жизненного пути. В данном случае автор статьи лично знала героя, а также имела общение с его ближайшими родственниками.

Наряду с другими научными методами, такими как анализ и синтез, научность и историзм, обратимся к методу устной истории, который является одним из сравнительно новых и перспективных в создании и сохранении ретроспективной информации, представляющий собой «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами, использующими современные технические средства. Несмотря на все противоречия данного метода, он позволяет создавать тематически заданные документы, заполняющие лакуны в традиционном корпусе источников» [15].

Семейная память безусловно является мозаичной и плохо структурированной, однако данная биография героя носит более реалистичный характер, так как написана со слов людей, знавших его лично, а не понаслышке, либо исключительно по официальным документам, так как в последнем случае, как справедливо писал В. Набоков, образ был бы «скуп и холоден» [15, с. 668].

Семья

Борис Михайлович Сон родился 14 апреля 1920 г. в городе Касимове Рязанской области.

В советское время было необходимо скрывать своё происхождение, если оно было не рабоче-крестьянское, поэтому в биографии Бориса Михайловича, во всех его военных документах мы находим, что он из семьи служащих [16] (рис. 1)[1], что явля-

[1] Иллюстрации к статье здесь и далее см. на с. 206–211.

лось распространённой практикой, однако в действительности его предки по отцу (Баранаевы), а по матери (Победоносцевы) были знатными и небедными людьми.

Как пишет исследователь истории касимовского купечества Д. Ю. Филиппов, Баранаевы являлись постоянными представителями в гильдиях и составляли основу касимовского купеческого сообщества в конце XVIII – начале XX в. Им принадлежало кожевенное производство, поскольку некоторые купцы, помимо торговой деятельности, активно занимались промышленным производством [17, с. 100].

Касимовский историко-культурный музей-заповедник периодически публикует рукописи своего бывшего директора, Леонтия Алексеевича Кленова, который также подробно описывал кожевенный завод купцов Баранаевых, построенный в 1863 г. С его слов, хотя условия труда на заводе у кожмастеров были крайне тяжёлыми, они мяли, отмачивали кожи на Оке при любых погодных условиях, в любое время года, их рабочий день длился 15–16 ч, однако слава о заводе распространялась за пределами России. Баранаевы принимали участие в выставке кож в США, а через Нижегородскую ярмарку американцы закупали касимовскую кожу[1].

Бабушка нашего героя – Людмила Васильевна Баранаева была внучкой Льва Даниловича, купца 3-й гильдии[2], имевшего завод с 1791 г. и племянницей Федора Львовича – владельца первой фотографии в городе.

Также, со слов родственников, известно, что Людмила Васильевна Баранаева ещё до революции вышла замуж за Семена Сона, еврея по национальности. Её брак не был одобрен родственниками, которые обязали жениха принять православие. Приданное за невесту, тем не менее, дали, но замужество оказалось неудачным, поскольку Семен забрал её векселя и эмигрировал в США. Однако после него у Людмилы Васильевны остался сын Михаил, который в последующем станет отцом Бориса.

После прихода к власти большевиков, их имущество конфисковали, а семью выселили в барак, где они проживали с городским священником. По словам самого Бориса Михайловича, приютив-

[1] Кожевенный завод. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kasmuzey.ru/index.php/novosti/1891-kozhevennyj-zavod (дата обращения: 21.04.2025).
[2] Фабриканты и заводчики Рязанской губернии 30-х годов XIX в. [Электронный ресурс]. URL: https://history-ryazan.ru/node/12939 (дата обращения: 21.04.2025).

ший семью батюшка был очень образованным, владел несколькими иностранными языками, однако вспомнить его имя он не смог.

Декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе» от 23 сентября 1919 г. указывал на возникшую необходимость установления открытого контроля над ними[1]. Положение бывших периодически менялось: в период НЭПа контроль за ними не ослабевал, к началу 1930-х гг. их положение немного улучшилось, а к концу 1930-х они вновь оказались под пристальным вниманием государства.

В середине 1930-х гг. семья Бориса Михайловича в составе его родителей, брата, сестры и бабушки, Людмилы Васильевны Баранаевой, предпочла уехать в поисках нового места, подальше от родного города, чтобы избежать преследований.

Выбором их нового местожительства стал город Энгельс (до 1931 г. Покровск – столица АССР немцев Поволжья). Поначалу Покровск активно развивался, однако многое оказалось утраченным с началом Великой Отечественной войны и выселением поволжских немцев: город лишился статуса столицы и был присоединён к Саратовской области, став оперативным тылом Сталинградского фронта во время войны, а после обычным провинциальным поволжским городом.

Концепция советской идеологии о государстве диктатуры пролетариата, предполагала, что представители «эксплуататорских классов» не должны занимать руководящие посты в государстве, а также ответственные должности, так как в силу своего воспитания и прошлого опыта, они были идеологическими чуждыми элементами в новой социалистической общественной структуре.

Однако можно было избавиться от стигматизации, устроившись на работу в государственное учреждение и получив статус трудящегося. Уже в 1918 г. было издано постановление, утверждающее, что трудящийся не является «буржуем» [18, с. 54], при этом барьеры при трудоустройстве и карьерном росте все равно оставались. Большое значение имели квалификация, знакомства, подделка документов и др.

Имело место и то, что называлось аристократическим хобби (игра на музыкальных инструментах, журналистика, сочинение музыки, участие в домашних оркестрах, рисование и др.), кото-

[1] Декреты советской власти: в 13 т. М.: Политиздат, 1973. С. 124–125.

рое до революции не было профессиональной деятельностью, а после революции могло пригодиться в качестве источника получения денег, так как советская власть предоставила возможность профессионализировать своё хобби. Такой способ конвертации, с одной сторон, приносил доход, с другой стороны, давал творческое удовлетворение [18].

Отец Бориса Михайловича – Михаил Семенович Сон, имевший талант к рисованию, работал при советской власти художником-оформителем. Как вспоминает его внучка Татьяна Борисовна (дочь Бориса Михайловича): «бабушка мне показывала вывеску, написанную маслом для булочной в 1966 г. в городе Энгельсе», большинство оформительских работ в городе принадлежало именно ему.

Мать – Евгения Александровна Победоносцева, вышла замуж за Михаила Семеновича по любви, о чем свидетельствует надпись на фотографии, подаренной будущему мужу в 1915 г., а также воспоминания их детей (рис. 2).

В советское время Евгения Александровна была вынуждена работать продавцом в хлебном магазине и скрывать свой дореволюционный социальный статус, поскольку необходимо было преодолевать преграды, которые хоть и не были непреодолимыми, но являлись некоторым испытанием на приспособляемость к новым требованиям рынка труда.

У Бориса Михайловича были брат-близнец Глеб, который умер в детстве, а также младшие брат Лев и сестра Фаина.

Никаких разговоров о происхождении рода, занятии предков в семье с детьми, внуками и правнуками в советское время не велось никогда, поскольку люди были поражены страхом, и безопасность в это время стояла на первом месте.

Тем не менее фамильное столовое серебро (рис. 3), остатки мебели и кое-какие уцелевшие предметы гардероба бабушки, не могли не свидетельствовать об отсутствии пролетарского происхождения, на котором очень активно настаивала Людмила Васильевна Баранаева, даже в разговорах со своими внуками.

У старшей дочери Бориса Михайловича Людмилы Борисовны осталась семейная икона от бабушки (рис. 4), в честь которой её и назвали Людмилой. На иконе упоминается имя Павла Львовича Баранаева, который являлся родным дядей Людмилы Васильевны.

Младшая дочь Бориса Михайловича Татьяна Борисовна вспоминает, как «бабушка Люда открывала старинный комод и показывала ей свои наряды – венецианскую шаль, юбку из тончайшей английской шерсти и прочее, но на вопрос: "откуда?", – отвечать категорически не хотела».

Годы учёбы

Дети семьи Сона стали учениками обычной средней школы № 2 города Энгельса. Если бы не небольшой эпизод в жизни Бориса, возможно, он так же бы и остался проживать в этом провинциальном городе, как его брат Лев и сестра Фаина, но судьба распорядилась иначе.

В 17 лет он с другом сделал модель крейсера и парусной яхты, которые управлялись по радио, по принципу современных радиоуправляемых дронов. Школьники, изучив схемы по статьям из журналов, повторили детекторный искровой передатчик и приёмник Попова, собрав их из деталей, найденных в хозяйственных магазинах и просто в быту (проволока, пробирки угольный порошок, металлическая стружка). Изобретение ребят не могло пройти незамеченным, это было настоящей фантастикой для 1937 г., по крайней мере без серьёзных знаний в области химии и физики было не обойтись. Газеты немецкой республики написали про них статьи, вырезки из которых до сих пор бережно хранятся в семейном архиве (рис. 5) [19]. Как выяснилось, это было стартом к будущей профессиональной карьере Бориса Михайловича.

Неслучайно, что с 1939–1941 гг. он являлся курсантом военного училища связи г. Ульяновска (УВУС).

На фото (рис. 6) совсем юный молодой человек со своими преподавателями и однокурсниками, не знавший, что ждёт его впереди, как и все люди этой эпохи.

Закончив училище, молодые люди сразу ушли на фронт, потому что началась война. Борис тоже ушёл и воевал до 1945 г., пройдя невероятно сложный путь войны, горя, ужаса, одновременно путь достижений, личного роста, любви и надежды.

Война (1941–1945)

В учётной карточке члена КПСС мы находим весь послужной список будущего героя СССР (рис. 7) [19].

Сухие строчки из учётной карточки нам практически ничего не поясняют, между тем, исходя из воспоминаний об отце сына Бориса Михайловича – Сергея Борисовича, а также из документов домашнего архива, мы узнаем о военном периоде жизни не только официозные факты, но живые эмоционально окрашенные подробности.

В октябре 1941 г. Борис Михайлович в разгар паники попал как связист танковых войск под Москву и сразу в окружение. Из Вяземского котла их выводил майор Подольского училища, хорошо знавший местность. Среди попавших в окружение была и пехота, и танкисты. И когда они уже почти вышли к своим, то наткнулись на заградительный отряд НКВД.

Следует заметить, что заградительный отряд должен был останавливать бегущих, стреляя выше, поверх голов и только в крайнем случае стрелять на поражение, но расчёт пулемёта нарушил все инструкции, в итоге майор погиб. Однако, разобравшись в ситуации, командир НКВД разрешил им избить пулемётчиков, но не до смерти, а Борису Михайловичу удалось соответственно выжить.

Потом была оборона Москвы и последующее контрнаступление, где их бронетранспортёр БТ-7 попал под танк T-IV. «Водителю оторвало голову, командир полез наверх и его срезало пулемётной очередью, а отец нырнул вниз и выполз через нижний люк, но получил осколок в левое бедро. Он полз 1–2 км и его подобрали бойцы из чужой части», – рассказывает сын Бориса Михайловича, Сергей Борисович.

А матери Бориса прилетела первая похоронка, всего их было две или три, она потом перестала считать и верить в них.

«Отец попал в госпиталь и ему предложили отрезать ногу, но ему был 21 год, и он наотрез отказался, считая, что вряд ли какая женщина выйдет за него», – продолжает свой рассказ сын Бориса Михайловича. Полгода учился ходить заново, а в 1942 г. попал под Ржев, но уже по связи артиллеристов. На его глазах погиб Александр Матросов, так как в этот момент Борис был на КПП.

В 1943 г. он воевал уже на Курской дуге в качестве помощника начальника связи корпуса по радио, далее – участник освобождения Варшавы и штурма Берлина.

Описания его подвигов и наград за них хранятся в архиве Министерства обороны РФ[1]:

орден Красной Звезды 1944 г.;
медаль «За оборону Москвы» 1944 г.;
орден Отечественной войны II степени 1945 г.;
медаль «За освобождение Варшавы» 1945 г.;
медаль «За взятие Берлина» 1945 г.;
медаль «За боевые заслуги» 1950 г.;
орден Красной Звезды 1954 г.;
орден Отечественной войны I степени 1985 г.

На официальном портале «Память народа 1941–1945» тоже содержится официальная информация, однако интересные факты можно узнать только из уст в уста, и хотя Борис Михайлович, по словам его сына, не любил рассказывать про войну, повторяя, что война – это жуткое порождение зла, однако некоторые интересные сведения до нас все же дошли.

Примечательно, что свои награды бойцы надевали, когда шли в бой. Сбитые рубины на ордене Красной Звезды – след от осколка, который попал в награду, но спас жизнь (рис. 8).

На Варшавском мосту у Бориса погиб друг по имени Сергей и он впоследствии попросил свою жену назвать сына его именем.

«Как он выжил, понятия не имею», – говорит Сергей Борисович (сын Бориса Михайловича), но, чтобы мотивировать бойцов на взятие Берлина, так как совершенно очевидно, что умирать накануне Победы никому не хотелось, их провели через Освенцим, они должны были увидеть зверства фашистов своими глазами. Они увидели, но жена Бориса Михайловича, с которой он познакомился на Курской дуге в 1943 г., проход через Освенцим не выдержала, её психика сильно пошатнулась, что впоследствии дало о себе знать в 1970-е гг., когда, казалось бы, все должно быть не так живо, нежели в 1945 г.

Её, бывало, приглашали в школу, где учились её дети, рассказать про подвиги, а она рассказывала не про подвиги, а про Освенцим. Про расстрельную камеру, про огромную илистую лужу, в которую наступила по щиколотку, а это оказался не ил, а кровь, и она просто представить не могла, сколько людей нужно было убить, чтобы всё помещение заполнить кровью по щиколотку.

[1] Сон Борис Михайлович. Память народа. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3La3d5 (дата обращения: 20.04.2025).

Любовь и война

Известно давно, что война до необычайности обостряет человеческие чувства, переживания, эмоции. Ненависть к врагу усиливалась, вместе с этим росла злоба, а порой отчаяние. Однако вероятность погибнуть в любую минуту порождала у бойцов противоположные чувства любви, потребность в мире, чтобы как-то отгородиться от смерти и создать свой собственный мир счастья, добра и иллюзорного спокойствия. Любовь во время Великой Отечественной войны была неотъемлемой частью фронтовой и повседневной жизни.

Борису Михайловичу в начале войны был 21 год, совсем юноша, и он не мог не влюбиться в свою Надю, которой на момент встречи едва исполнилось 18 (рис. 9).

«Дед мой плакал: 11 сыновей, и тут 12-ую, единственную дочку на войну забрали, за телегой бежал на Алтае», – вспоминает Сергей Борисович про свою мать. С его слов, когда в 1943 г. на Курской дуге Надежда увидела Бориса, выползшего с передовой, вонючего и грязного, то её первая мысль: «не дай Бог замуж за такого», однако судьба их связала и до конца жизни они были неразлучны.

Во время войны чувства возникали быстро, ни о какой регистрации отношений молодые люди порой не задумывались, но Надежда была настойчива, считая, что никакой командир части, а только начальник ЗАГСа расписать должен. И в момент паузы между Курской дугой и операцией «Багратион», в Речице они поженились.

Несмотря на то что была война и, казалось бы, радости и смеху не было места, люди они были молодые, поэтому некоторые смешные моменты не могли вспоминать, не улыбаясь.

На Курской дуге, в одном из домов в погребе нашла Надежда квашеную капусту, ей предложили набить её в военный бак, который цеплялся сзади, как ранец, и ползти с этой капустой по полю боя, держась за линию провода телефонной проводной связи. Она так и сделала, но вдруг немецкий пулемётчик прострелил ей бак. Все кричать начали, что Надю убило, а на деле, бак пробило и её всю красным свекольным рассолом залило. Надя бедная, ни жива, ни мертва, так посреди поля и застряла, у неё шок был. Бойцы её вытащили за ноги и за руки в окоп под огнём пулемёта. Потом, естественно, все смеялись.

И ещё, Борис её все время из-под печек при бомбёжке доставал. Когда они проходили через деревни, сожжённые отступающими немцами, то, как правило, печки оставались целыми. При бомбёжке нужно было прятаться в окоп, а Надя под печки лезла, думая, что там безопасно, хотя на деле с точностью до наоборот.

В 1944 г. Надежда заболела лейкемией и её отправили на лечение в Энгельс, в семью Бориса Михайловича, там её поили бычьей кровью, лечили как могли и в итоге в 1945 г. она вернулась к мужу.

После войны

После войны жизнь Бориса Михайловича была достаточно интересной и насыщенной.

Сразу по окончании войны, с 1945–1950 гг. он с женой остался в составе оккупационных войск в Германии и их поселили в доме бывшего канцлера Германии Бернгарда Генриха Карла Мартина фон Бюлова. В семейном архиве хранится альбом канцлера, куда Борис Михайлович наклеивал свои орденские книжки (рис. 10) [25].

Вероятность отправки в СССР была у тех, кто попадал в окружение, и Борис Михайлович просто промолчал об этом эпизоде своей биографии, а его боевой товарищ, напротив, похвастался, что попал в окружение, но героически вырвался, после чего его выслали из Германии в СССР в 24 часа.

В Германии у семейной пары родились две дочери: Людмила и Татьяна.

Когда Борису Михайловичу исполнилось 25 лет руководство аккуратно поинтересовалось, почему он, будучи уже майором, орденоносцем, не вступает в партию. Отличительной чертой того времени была необходимость членства в ВКПб, в противном случае продвижение по карьерной лестнице могло быть неожиданно прерванным, в итоге он вступил в партийные ряды.

Из Германии Борис Михайлович с семьёй уехал служить в Лугу (Ленинградский военный округ) на должность начальника связи 1206 гв. кадровой пушечной арт дивизии (рис. 11). Послевоенная служба была трудной: жили в землянках, пока строились дома для офицеров, вокруг заминированные леса, они были свидетелями частых случаев гибели взрослых и детей. В Луге у Надежды и Бориса родился сын, которого в память о погибшем боевом товарище назвали Сергеем.

В 1950–1951 гг. Борис Михайлович отучился в Высшей офицерской школе связи Киевского военного округа.

А когда в 1959–1960 гг. в СССР возникла необходимость создания ракетных войск стратегического назначения (РВСН), его назначили начальником связи 7-й гвардейской ракетной Режицкой Краснознамённой дивизии в составе 27-й гвардейской ракетной армии ракетных войск стратегического значения (РВСН) вооружённых сил СССР, где он и служил ещё 10 лет, до 1970 г. Ввиду секретности, на фотографии Б. М. Сон в форме лётчика, на коллективной фотографии все сослуживцы также, однако это были именно ракетные войска стратегического назначения (рис. 12).

Прежде чем описать некоторые подробности одного эпизода, который произошёл во время службы Бориса Михайловича, необходимо пояснить, что из себя представляла система АСУ «Крокус» – это автоматизированная система управления частями РВСН, разработанная Ленинградским НИИ. «Крокус» – переносная система информирования о ракетном нападении. Приказ от главкома должен был прийти по всем каналам связи на КП каждого полка МБР УР100 в автоматическом режиме. По положению, принятому Советом Обороны СССР, эти чемоданчики были закреплены за Верховным Главнокомандующим Вооружёнными силами Советского Союза, министром обороны, начальником Генерального штаба и секретарём ЦК КПСС. Где бы ни находились эти лица, офицеры с чемоданчиком всегда были рядом с ними.

Данная система была предназначена для управления ядерными силами и обеспечения их безопасности. Она позволяла быстро и эффективно передавать команды и контролировать ядерные арсеналы, что было чрезвычайно важно во времена холодной войны.

Полковник Б. М. Сон был причастен к тестированию АСУ «Крокус», смысл которого заключался в том, что согласно техническому заданию на 1000 сообщений о начале ядерной войны, допускалось только две ошибки, при этом 998 сигналов должны были быть верными. При тестировании же выходило 990 верных, а 10 ошибочных сигналов. В итоге Борис Михайлович приёмку системы не подписал, несмотря на то что Д. Ф. Устинов был намерен подписать и закрыть тему, но ситуация, в которой «странный полковник» отказывался ставить свою подпись, дошла до Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева,

который, разобравшись в ситуации, встал на сторону полковника, а не министра обороны. Просто потому, что техническое задание было подписано самим Д. Ф. Устиновым и именно оно при испытании не выполнялось должным образом. В конечном итоге после устранения причины (дефектная пайка соединений), которую обнаружил Б. М. Сон с подчинёнными, приёмка системы состоялась (рис. 13).

В 1970 г. Б. М. Сону после выхода на пенсию было предложено выбрать несколько городов для проживания, среди которых Ленинград, Ивангород, Винница, Гомель. Выбор семьи пал на Гомель, что объяснялось сентиментальной причиной, поскольку создание их семьи начиналось с Речицы, которая всего в 52 км от Гомеля. С тех пор военный пенсионер, герой Великой Отечественной войны, полковник Борис Михайлович Сон с женой и детьми стал проживать в Белоруссии.

Последние годы трудовой деятельности у него прошли в средней школе № 33 города Гомеля, где он преподавал ребятам физику и НВП, причем всегда обращался к школьникам на «вы», что было совсем нетипично, но придавало каждому ученику значимости.

Однако человеческая жизнь быстротечна, Борис Михайлович Сон умер в 2005 г., прожив сложную, но невероятно интересную и насыщенную жизнь, память о нем останется навсегда в душе тех людей, с кем ему удалось пересечься на жизненном пути.

Обсуждение и выводы

Сегодня мы пытаемся опереться на традиции, найти авторитеты, возрастает интерес одновременно и к постсоветскому, и к дореволюционному прошлому. Коллективная память семьи, возможно, и не претендует на объективность, однако позволяет восстановить биографию человека, которую при жизни он не смог отразить в своей официальной автобиографии, да и рассказать о себе в неофициальной обстановке также не представилось возможным. Его социальный статус не был предпочтительным в эпоху социализма, однако мы смогли проследить его становление и превращение в полноценного члена нового общества, путём переосмысления семейной истории, приспособления к новым условиям, умалчивания многих автобиографических сведений с целью

перехода из одной социальной группы в другую, когда постепенно стали исчезать старые и появляться новые границы и основания для социальных взаимодействий.

Наш герой, родившийся два года спустя после установления советской власти, смог сделать карьеру благодаря своему воспитанию и унаследованным от предка интеллектуальным задаткам.

Судьба его детей сложилась также весьма успешно. Старшая дочь – Людмила Борисовна, закончив Тартуский университет, стала ученым-физиком твёрдого тела, всю жизнь проработала в научном центре Академии наук РСФСР на Кольском полуострове, где и осталась жить.

Вторая дочь – Татьяна Борисовна, до выхода на пенсию успешно занималась бизнесом.

Сын, Сергей Борисович закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения (ныне ГУАП СПб) и всю жизнь работает в сфере информационных технологий и компьютерных сетей, преподает студентам информатику. В настоящее время работает ведущим инженером-программистом в Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации.

У Бориса Михайловича много внуков, правнуков и праправнуков, которые гордятся своим дедом-героем и чтут память о нем.

Список литературы

1. Грибан И. В. Историческая память как исследовательская проблема. Анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 1. С. 334–340.

2. Дмитриева О. О. Историческая память т механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6. С. 132–137. EDN: UGVVVF

3. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер.2. Вып.2. С. 106–126. EDN: SFACSL

4. Артамонова Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 29–40. EDN: XQWIEH

5. Баранов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия // Наследие веков. 2017. № 2. С. 55–61. EDN: ZLYKWR

6. Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.

7. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллинн: изд. «Александра»,1992. 479 с.

8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007. 348 с. EDN: QXSOXF

9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

10. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. ISBN: 5–87121–031–7 EDN: QWGQRR
11. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
12. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 422 с.
13. Ле Гофф Ж. История и память / пер. с франц. К. З. Акопяна. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
14. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с
15. «Устная история» и источниковедение истории науки // Материалы к заседаниям Летней школы «Источник в работе историка науки» 4–5 июня 2001 г. М.: Изд. РГГУ, 2001. С. 2–5.
16. Набоков В. Памяти Ю. И. Айхенвальда. Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Изд. Симпозиум, 2021. Т. 2. 784 с.
17. Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
18. Филиппов Д. Ю. Купеческое сообщество города Касимова конца XVIII века – начала XX века // Рязанская старина. 2003. № 1. С. 95–122.
19. Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
20. Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
21. Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

Biography of the Hero of the Great Patriotic War in the Context of Family's Collective Memory

Alla O. Volgusheva

The article is dedicated to the hero of the Great Patriotic War (1941–1945), Colonel Boris Mikhailovich Son, major battles participant, including the Battle of Moscow, the Kursk Bulge, Warsaw liberation, and the capture of Berlin. The novelty of the article is due to the fact that for the first time a comprehensive review of the hero's biography was carried out. The article, based on the first published information from the home family archive, in which many original documents and artifacts have been preserved, reveals the features of the social status of the Baranaev family, whose descendant was Boris Mikhailovich Son. His years of study, participation in hostilities, and post-war service in the Soviet army are described from the words of his children, so this study has oral historical nature. The author of the article is Alla Olegovna Volgusheva (granddaughter of Faina Mikhailovna Son, Boris Mikhailovich's sister), who is one of the last descendants of the Baranaev family.

Key words: historical memory, collective family memory, Great Patriotic War, Boris Mikhailovich Son, battle for Moscow, battle for Berlin, Kursk Bulge, Kasimov, Baranaev merchants, Kasimov tannery.

For citation: Volgusheva, A. O. (2025) Biografiya geroya Velikoj Otechestvennoj vojny v kontekste kollektivnoj pamyati sem'i [Biography of the Hero of the Great Patriotic War in the Context of Family's Collective Memory]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 175–191. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_175. EDN: BXOUIO

References

1. Griban, I. V. (2016) Istoricheskaya pamyat' kak issledovatel'skaya problema. Analiz sovremennyh podhodov [Historical memory as a research problem. Analysis of modern approaches]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of science and practice]. No. 1. Pp. 334–340. (In Russ.)
2. Dmitrieva, O. O. (2015) Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskih koncepcij v otechestvennoj nauke [Historical memory and the mecha-

nisms of its formation: an analysis of historiographic concepts in domestic science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 6. Pp. 132–137. EDN: UGVVVF (In Russ.)

3. Rostovcev, E. A., Sosnickij, D. A. (2014) Napravleniya issledovanij istoricheskoj pamyati v Rossii [Directions of Historical Memory Research in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 2. Iss. 2. Pp. 106–126. EDN: SFACSL (In Russ.)

4. Artamonova, Yu. D. (2018) K voprosu o mekhanizmah istoricheskoj pamyati [On the Mechanisms of Historical Memory]. *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Vol. 48. Pp. 29–40. EDN: XQWIEH (In Russ.)

5. Baranov, A. V. (2017) Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne kak resurs obespecheniya mezhetnicheskogo soglasiya [Historical Memory of the Great Patriotic War as a Resource for Ensuring Interethnic Harmony]. *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries]. No. 2. Pp. 55–61. EDN: ZLYKWR (In Russ.)

6. Hirsh, M. (2021) *Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura* [The Postmemory Generation. Writing and Visual Culture]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

7. Lotman, Yu. M. (1992) Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in Cultural Studies]. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. In 3 vols. Vol. 1. Tallinn: Alexandra Publishing House. (In Russ.)

8. Hal'bvaks, M. (2007) *Social'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. EDN: QXSOXF (In Russ.)

9. Assman, Y. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)

10. Rikyor, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. ISBN: 5-87121-031-7 EDN: QWGQRR (In Russ.)

11. Nora, P. (1999) Problematika mest pamyati [Problematics of Places of Memory]. *Francija-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 17–50. (In Russ.)

12. Hatton, P. H. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the Art of Memory]. St. Petersburg: «Vladimir Dal'». (In Russ.)

13. Le Goff, Zh. (2013) *Istoriya i pamyat'* [History and Memory]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)

14. Repina, L. P. (2003) *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historical writing (historiographical notes)]. Moscow: GU VShE. (In Russ.)

15. (2001) «Ustnaya istoriya» i istochnikovedenie istorii nauki ["Oral history" and source studies of the history of science]. *Materialy k zasedaniyam Letnej shkoly «Istochnik v rabote istorika nauki» 4–5 iyunya 2001 g*. [Materials for the meetings of the Summer School "Source in the Work of the Historian of Science" June 4–5, 2001]. Moscow: izd RGGU. S. 2–5. (In Russ.)

16. Nabokov, V. (2021) *Pamyati Yu. I. Ajhenval'da. Sobr. soch. russkogo perioda* [In Memory of Yu. I. Aikhenvald. Collected Works of the Russian Period]. In 5 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Izd. Simpozium. (In Russ.)

17. Lichnyj arhiv Son S. B. [Son S. B. Personal archive]. F. 1. Op. 1. D. 3.

18. Filippov, D. Yu. (2003) Kupecheskoe soobshchestvo goroda Kasimova konca XVIII veka – nachala XX veka [The merchant community of the Kasimov city in the late 18th – early 20th century]. *Ryazanskaya starina* [Ryazanskaya Starina]. No. 1. Pp. 95–122. (In Russ.)

19. Chujkina, S. (2006) *Dvoryanskaya pamyat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30 gody)* [Noble memory: "former" in a Soviet city (Leningrad, 1920–30s)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

20. Lichnyj arhiv Son S. B. [Son S. B. Personal archive]. F. 1. Op. 1. D. 2.

21. Lichnyj arhiv Son S. B. [Son S. B. Personal archive]. F. 1. Op. 1. D. 4.

Об авторе

Волгушева Алла Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: volgusheva_irbis@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4684-421X

About the author

Volgusheva Alla O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: volgusheva_irbis@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4684-421X

Статья поступила в редакцию 04.02.2025
Одобрена после рецензирования 25.04.2025
Принята к публикации 29.04.2025

ГРНТИ 03.23.55 ВАК 5.6.1